ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК: 330. 34.01
JEL: O 100

Олег Ярёменко

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕСТРУКЦИИ В ЭКОНОМИКЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ, МЕХАНИЗМЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Рассмотрены предпосылки и последствия институциональных деструкций в экономике и обществе. Доказано, что интеграционная способность институциональной системы зависит от двух основных факторов: от адекватности институтов фактической сложности и динамизма среды, в которой действуют субъекты; от адекватности институциональных требований фактическому уровню институциональной компетентности субъектов. Обоснован вывод, что причиной роста удельного веса институциональных аномалий и деструкций в мировой экономике является процесс "перемешивания" ценностей и ценностно-подобных институтов как следствие интенсивной глобализации, что привело к хаотизации критериев приемлемого и неприемлемого в социальном поведении на всех основных уровнях субъектности. Показано, что разрушение привычных ожиданий заставляет хозяйствующих субъектов формировать и реализовывать максимально короткие планы, не обращая внимание на среднесрочные или долгосрочные последствия своих действий; при этом выживание субъектов как массовый псевдорациональный способ действий становится инструментом системного кризиса, который ставит экономику на грань существования.

Ключевые слова: институциональная деструкция, ценности, институты, технологии, неопределенность, риски, социально-необходимое рыночное время, социально-экономическая энтропия.

Институциональная деструкция – это снижение способности совокупности институтов по снятию неопределённости функционирования хозяйственной системы в целом и её элементов, как субъектов, так и не субъектов. Актуальность проблем выявления содержания и факторов институциональной деструкции обусловлена резким ростом конфликтности общественных взаимодействий в современных условиях технологических, рыночных и ценностных сдвигов, когда усиление взаимозависимости опережает процесс создания правил согласования противоречивых интересов в международной торговле, политике, в формировании и функционировании интеграционных образований. Сегодня большие возможности современных технологий и распространения экономической свободы используются обществом с всё более низким коэффициентом полезного действия, проявлением чего могут служить явления социальной поляризации, возрастание роли теневых механизмов в распределении ресурсов и результатов экономической деятельности, системные нарушения принципов свободной

Ярёменко Олег Леонидович (yaremenkooleg2@gmail.com), д-р экон. наук, проф.; ведущий научный сотрудник ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины".

торговли, активизация террористических проявлений. В отличие от излишнего оптимизма Ф. Фукуямы о конце истории, многие учёные отмечают, что мир становится всё более нестабильным и деструктивно сложным, а стабилизирующие возможности всеобщих правил и запретов сужаются (Вурне, 1998).

Системные оценки и концептуальные исследования институциональных деструкций и аномалий берут своё начало в социологических теориях (Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Р. Мертон, Т. Парсонс, Э. Гидденс). Главными результатами социологического анализа общественных аномалий (с точки зрения их полезности для решения институционально-экономических проблем) являются следующие.

Во-первых, это признание закономерного характера аномалий и отклонений, который детерминируется содержанием общественных структур, включая социальные нормы и ценности, а не только отклонением от них (Мертон, 2006). Это означает, что борьба с институциональными аномалиями без учёта их глубинных корней ведёт к значительным скрытым общественным потерям и издержкам, поскольку может случайным образом затрагивать функциональные и институциональные механизмы "нормальной" экономики.

Во-вторых, это трактовка их как способа социальной адаптации (Парсонс, 1998), что имеет большое значение для более полного понимания чувствительности совокупного спроса и предложения относительно инструментов государственного регулирования экономики.

В-третьих, это признание важной роли аномальных типов приспособления в возникновении изменений и инноваций (Мертон, 2006). Учёт этого положения открывает перспективы для совершенствования инновационной политики государства в части выбора меры жёсткости санкций за нарушение стандартов и норм, а также соотношения между положительными и отрицательными стимулами.

В-четвёртых, это положение о наличии зон пересечения аномалий и рационального выбора (Гидденс, 1999). Этот результат даёт возможность более глубоко оценить предпосылки и последствия так называемых "провалов рынка" и "провалов государства".

В экономической науке большая часть исследований институциональных аномалий и деструкции связана с анализом оппортунистического поведения как фактора трансакционных издержек (Коуз, 1993; Уильямсон, 1997). С определёнными оговорками к этим исследованиям можно присоединить обоснование влияния трансакционных издержек на явление институциональной деструкции (Эджиджи, 1995), анализ институциональных ловушек В. Полтеровича, модель мягких бюджетных ограничений Я. Корнаи (Корнаи, 1996) и анализ природы экстрактивных институтов Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона (Аджемоглу, 2015). Основной вывод современной институциональной трактовки экономических систем относительно разного рода отклонений можно сформулировать следующим образом: институциональные деструкции и аномалии повышают трансакционные издержки, снижают общественное доверие, способствуют институциональным ловушкам и распространению коррупционных практик, ухудшают национальные возможности экономического роста. Значение обратного влияния экономического роста на распространение зон институциональных деструкции и аномалий, как правило, не рассматривается.

Согласно такой трактовке актуальной задачей общества и государства является сжатие зоны институциональных деструкций и аномалий до безопасного размера. В то же время в современных инсти-

туциональных исследованиях в экономике в последнее время появились попытки использования возможностей более широких трактовок явления институциональных отклонений в контексте глубоких трансформаций современного социума и экономической составляющей (например, Фролов, 2019; Zhenhua Su, Yanyu Ye, Pu Wang, 2018).

Целью этой статьи является выявление объективных и субъективных оснований распространения ареала институциональных аномалий и деструкции и усиление их влияния на функционирование и развитие современных экономических систем.

Ценности и институты представляют собой одну из составляющих национального богатства. Именно сложившиеся исторически ценности и институты обеспечивают субъектность социума как способность к согласованному поведению участников в случае существенных изменений внутренней и внешней среды. Институты как богатство нации не являются мёртвой основой экономической жизни и развития, они имеют свою жизнь, им присущи стадии зарождения, развития и упадка. Разрушение старых институциональных форм организации хозяйственной деятельности, как показал Й. Шумпетер, высвобождает социальное пространство для новых комбинаций ресурсов и методов организации производства и обмена, благодаря чему происходит экономический рост и технологическое развитие.

В то же время такое движение вперёд ценой отбрасывания части институционального наследия несёт в себе риски общего, а не только творческого разрушения, поскольку ведёт хозяйственную систему в зону повышенной социально-экономической неопределённости. Элемент случайности в фундаментальных инновациях несёт риск полной цивилизационной неопределённости.

Что касается отдельного человека, то восприятие им ценностных и институциональных требований порождает способность иметь социально-экономические потребности, которые являются движущей силой хозяйственной деятельности. Институционально компетентный человек свободен в данном социуме, имеет доступ к ресурсам и пользуется преимуществами безличного доверия. Напротив, человек, который не разделяет ценности данного социума и не является институционально компетентным, может превратиться в изгоя (люди, вышедшие на свободу из мест заключения, мигранты, проживающие в так называемых "этнических гетто"), которому нечего терять. Институциональная деградация как массовый процесс включает в себя ещё и такой риск.

Чтобы избежать общественной деградации, шумпетерианское "творческое разрушение" ценностей и институтов должно своевременно компенсироваться новыми формами социально-экономической интеграции. Как свидетельствует явление институциональной аннигиляции в некоторых странах "третьего мира", под влиянием смелых демократических реформ некомпенсированная институциональная деградация очень быстро приводит к потере культурных и технологических достижений общества.

Внешне противоречия современного социально-экономического развития выглядят так: информационно-сетевые технологии сильнее институтов, в недрах которых они возникают, а институты сильнее ценностей, их породивших. Таким образом возникает последовательная цепочка институционально-ценностной деструкции, когда технологии разрушают устаревшие институты, а в свою очередь обломки институтов подавляют ценностные основания современной цивилизации. Общество забывает, благодаря каким ценностям и инсти-

тутам оно получило свое технологическое могущество, считая вопрос ценностей снятым благодаря свободному выбору ценностей. На самом деле, ценности, избираемые человеком, – это ценности второго порядка, а ценности первого и нулевого порядка (базовые) не являются предметом выбора.

Ф. Лист почти 200 лет назад заметил: "Христианство, моногамия, уничтожение рабства и крепостного права, престолонаследие, изобретение книгопечатания, пресса, почта, монетная система, меры веса и длины, календарь и часы, полиция безопасности, введение свободного землевладения и пути сообщения – вот богатые источники производительных сил". При этом Ф. Лист отмечал, что разумное хранение исторического наследия является условием устойчивости национального хозяйства относительно шоков и социальных катастроф.

Таким образом, ценности и институты обеспечивают целостность хозяйственной системы в условиях повышенной неопределённости. Институциональная деструкция как потеря институтов несёт в себе риск распада социума на отдельные фрагменты, которые могут быть подчинены другим системам, имеющим сильное ценностно-институциональное поле.

В условиях фундаментальных сдвигов и тотальной анонии общие правила всё менее нужны наиболее сильным субъектам, а слабым остаётся действовать так, как это выгодно сильным. Система без правил является более энтропийной, чем система с правилами, в чём Украина имела возможность убедиться в 90-е годы прошлого века. К сожалению, институциональная деструкция является во многом объективным процессом, которого очень трудно избежать в глобальном масштабе, но можно попробовать минимизировать его наиболее разрушающие и опасные проявления.

При этом не следует забывать, что институциональная деструкция может иметь и определённый положительный смысл, и не только в шумпетерианском понимании творческого разрушения.

Во-первых, она способствует высвобождению социального пространства для новых правил и норм. Дело в том, что социально-институциональное пространство экономики не является "резинovým", оно способно вместить в себя лишь ограниченное социальное содержание. Такие границы определяются глубиной исторического и культурного наследия и объёмом живой исторической памяти народа, не зависящей от текущих политических предпочтений элиты.

Если дизайн новой институциональной модели экономики, государства и общества не соответствует историческому ценностно-институциональному фундаменту, то может случиться так, что более глубоко укоренившиеся в коллективное сознание и подсознание народа традиционные институты вытолкнут новые поверхности формы бытия из национального социально-экономического пространства, и они будут постепенно деградировать и рассеиваться. Примером может служить шахский Иран второй половины 70-х годов прошлого века, когда западная либерально-демократическая идеология не смогла проникнуть в национальный ценностно-институциональный фундамент, который в ходе исламской революции отторгнул большинство импортируемых институтов. Этот пример показывает, что культурное наследие и историческую память следует считать не просто важными факторами институциональной эволюции, а национальным активом, который при должном использовании обеспечивает сохранение субъектности и интеграцию во внешнее пространство на основании первичности национальных

интересов. Константа идентичности должна включаться в любые уравнения реформ, особенно в случае применения радикальной модели "изменения цивилизационного выбора". Деструкция или постепенная деградация неэффективных институциональных заимствований или устаревших национальных институтов позволяет формировать более адекватные и эффективные институциональные конструкции.

Во-вторых, деградация лишних институтов иногда может расцениваться как восстановление баланса между стандартом и выбором. Чрезмерно зарегулированная экономика может проходить мимо привлекательных национальных альтернатив вследствие чрезмерно усложнённых и противоречивых институциональных процедур (не обязательно бюрократических). Иногда деградация слишком сложных и противоречивых правил обязательного регулирования и контроля, происходящая вследствие конфликтов, скрытого противодействия, институционального саботажа, взаимного оппортунизма государства и бизнеса, сокращает и упрощает реальные процедуры оценки и выбора альтернатив, в результате чего национальная экономика парадоксальным образом получает шанс более органично вписаться во внешнее конкурентное пространство. Упрощение заимствованных институтов происходит или путём формальных уточнений и коррекции законов и норм, или путём активизации теневой составляющей экономики. Институциональное упрощение не всегда означает ухудшения институционального качества экономики.

Интересную попытку отойти от жёсткой дихотомии "плохих / хороших институтов", или от дихотомии "разрушающей / творческой деструкции институтов" сделал Д. Фролов (Фролов, 2019) через введение понятия экституты. Считая понятие "плохих институтов" преимущественно оценочным, он предложил переосмыслить феномен институциональных аномалий как потенциальных экституты в позитивном ключе. На его взгляд, экституты (или устойчивые институциональные аномалии) являются продуктом сложности институциональной системы. Сложность превращается в вариативность функционирования институтов, а вариативность является шагом к формированию новых институтов.

Для обоснования своей гипотезы указанный автор проанализировал основные подходы, категории и понятия, характеризующие различные проявления явления институциональной несостоятельности: институциональный диссонанс, слабые и сильные институты, элементы использования метафорической терминологии (институциональный склероз, институциональная "родовая травма"), которая свидетельствует, по мнению автора, о бедности собственного инструментария институциональной науки. Кстати, соглашаясь с оценкой имманентной методологии и терминологии институциональной теории как недостаточно развитой, хотелось бы отметить разный эвристический потенциал различных теоретических метафор. Например, понятие "институциональной ловушки", которое в свое время предложил В. Полтерович, может считаться достаточно апробированным инструментом институционального анализа, хотя происхождение его, безусловно, метафорические.

Наиболее привлекательным и перспективным выглядит подход с позиций институциональной конфигурации, которую Д. Фролов считает менее противоречивой, чем большинство существующих концепций институциональных изменений и институциональных деструкции. Он вводит в институциональную модель экономики, кроме институтов (X), ещё два важных компонента: среда (Y) и множество стейкхолдеров (S). Именно институциональную конфигурацию автор считает средой формирования институциональных аномалий, которые он не счи-

тает чем-то безусловно отрицательным. То, что для одних агентов или сообществ считается деградацией институтов, для стейкхолдеров может быть "эпицентром возможностей".

Промежуточный вывод, который можно сделать на основе модели институциональной конфигурации, заключается в том, что деструкция институтов является результатом более или менее системного экономического поведения стейкхолдеров или сообществ, имеющего вид институциональной аномалии. Иногда такие аномалии для внешнего наблюдателя выступают как слабые институты. Примером может служить современная стратегия Китая, направленная на полное использование возможностей именно слабых институтов (слабых институтов права собственности, недостаточных стандартов прозрачности, низких норм защиты среды, социальной ответственности и т.д.). Благодаря элементам "грязной игры" слабые получают возможность систематически выигрывать у сильных. Можно ли назвать такие институты плохими для Китая? Если и можно их назвать "плохими", то это будет оценочная позиция сильных игроков, которые при первой возможности начинают навязывать своим конкурентам деструктивно усложнённые нормы и институты.

Признавая перспективность подхода Д. Фролова, в то же время следует отметить его ограниченность. Предложенная концепция выглядит как слишком институционально-эндогенная и поэтому вызывает несколько важных вопросов, требующих дальнейшего исследования. Например, непонятно, как будет влиять отказ от разделения институтов на слабые и сильные на осознание современных конкурентных процессов в глобальном хозяйстве? Как быть с проблемой технологической детерминации институционального устройства экономики в случае одновременных технологических изменений? Может ли экономическая вселенная институтов быть стабильной, если их информационная способность недостаточна, поскольку из неё постепенно уходит всеобщая составляющая? Как будет вести при этом себя общая социальная энтропия?

Сложность институциональной системы зависит от двух взаимосвязанных, но разных факторов: сложности среды; неопределённости среды. Институты представляют собой прямой (лобовой) ответ социума вызовам с обеих сторон. Сложные проблемы решаются с помощью сложных институтов, включая разветвлённую систему законов, стандартов, обязательных согласований, а критическая неопределённость сводится до приемлемого уровня за счёт институциональных допущений. Другой путь – путь повышения социальной компетентности, экономической свободы и ответственности субъектов считается реальным, но вторичным, вспомогательным.

Социум отгораживается от изначальной сложности и неопределённости человеческого бытия путём построения институционально-ценностной стены. Если её прочность и высота является достаточной, то люди считают себя относительно свободными, ответственными за своё бытие, а уровень системных и индивидуальных рисков и угроз не мешает рациональному поведению. Но износ институтов и "вирус инноваций" соблазняют субъектов-новаторов разрушать отдельные кирпичики институционально-ценностной стены. Постепенно рыночная диффузия инноваций разрушает уже сплошные её участки.

Поэтому проблема институциональных аномалий и их стейкхолдеров, как их понимает Д. Фролов, заключается в том, что они не дают возможности построить более или менее непрерывную стену социума, которая защищала бы его от чрезмерной сложности и не-

определённости. Сквозь многочисленные дыры в социум проникают множественность критериев, приоритетов, всё чаще возникают случайные иерархии, устойчивость и комбинации которых распределяются случайным образом. Если в 90-е годы мы считали возникновение случайных бизнес-империй, огромных богатств в постсоциалистических странах следствием "хищнической" модели приватизации, то сегодня мы видим такую же тенденцию во многих странах мира (например, инновационная "недоимперия" Илона Маска).

Система традиционных институтов не способна ассимилировать новые финансовые и технологические бизнес-структуры, которые часто построены по принципу айсберга: 90% реальной экономической и социальной власти являются скрытыми и действуют они по правилу "my life - my rules". Анонимная и потому безответственная экономическая власть тяготеет к наиболее ликвидным формам, что затрудняет кристаллизацию новых правил и стандартов. Сопrotивление разрушающим потокам событий и технологий через укрепление традиционных институтов не имеет перспектив.

Проявлением чрезмерного институционального усложнения является имплементация в экономику Украины европейских норм контроля, стандартизации, обязательных согласований на фоне слабой субъектности украинской экономики в целом и её отдельных составляющих. Отсутствие институциональных гарантий на фоне чрезмерных институциональных предписаний и обязанностей выталкивает бизнес в тень. Часть коррупции и теневой экономики в Украине может рассматриваться как попытка привести к взаимному соответствию фактическую институциональную ёмкость экономики и формальную сумму правил и норм. Круг стейкхолдеров института коррупции может оказаться более широким, чем это принято считать. Об этом же может свидетельствовать высокий уровень теневого сектора в экономике Грузии, который наблюдается на фоне очень приличных национальных рейтингов экономической свободы и *doing business*.

В-третьих, институциональная деструкция как рост неопределённости при определённых условиях может активизировать национальный ценностно-институциональный поиск на основании органического сочетания экзогенных заимствований и устойчивых эндогенных институциональных конструкций, имеющих минимальное различие с неформальными нормами и правилами и поэтому минимизирующих риски роста теневого сектора.

Но надо понимать, что перечисленные выше возможные положительные последствия институциональных деструкций имеют вероятность возникновения меньше чем 100% и испытывают на себе сильные влияния различных случайностей исторического процесса, особенно в условиях общей глобальной взаимозависимости. Многие зависят от зрелости институтов государства и гражданского общества, от их способности создавать благоприятную среду эндогенизации реформ и социально-экономического развития.

Институциональная деструкция может быть как абсолютной, так и относительной. Абсолютная институциональная деструкция проявляет себя как снижение координирующего и интегрирующего потенциала институтов из-за их изношенности или явлений институциональной аннигиляции под влиянием эндогенных и экзогенных факторов. Относительная институциональная деструкция обусловлена распространением пространства неопределённости функционирования хозяйственной системы при неизменной фактической способности институтов или её недостаточного роста, то есть с отставанием от динамики по-

требностей системы в снятии неопределённости. Непосредственным проявлением неприемлемой неопределённости хозяйственной системы служат массовые разрывы cash flow на всех основных уровнях – государства, корпораций, домохозяйств.

Интегрирующая способность институтов как таковых имеет *верхнюю границу*, которая обусловлена фактической способностью субъектов воспринимать и использовать только ограниченное количество норм и запретов и имманентной ограниченностью институционального способа снятия неопределённости (относительно фактической сложности хозяйственной системы и условной поверхности её столкновения с генеральной неопределённостью социального бытия), а также *нижнюю границу*, которая обусловлена эффектом QWERTY в широком смысле (это означает непрерывность технологической и социально-институциональной эволюции, что при прочих равных условиях снижает неопределённость развития).

Формирование сложнейшей глобальной экономической системы может привести либо к постепенному формированию институтов, которые будут способны упорядочивать деятельность в условиях высокой эндогенной и экзогенной неопределённости, или, как альтернатива, привести к деинституционализации социального бытия, когда место институтов займут технологические и социально-технологические регламенты. От институтов такие регламенты будут отличаться полной социальной нейтральностью ("по ту сторону добра и зла") и будут технологически совместимы с искусственным интеллектом.

Потребность в сохранении накопленного институционального богатства человечества зависит от фактора времени: если время, необходимое субъекту для ценностно-институциональной интерпретации актуальной рыночной / хозяйственной ситуации, является большим, чем время существенных изменений в состоянии рыночных условий, то ценности и институты *будут мешать* жизнедеятельности экономических субъектов объектов и поэтому будут постепенно выталкиваться из экономики. Как сигнал из будущего могут расцениваться методы высокоскоростной торговли, когда человеческий фактор полностью исключён из процесса принятия и реализации рыночных решений.

Обозначим разницу между технологически необходимым и социально необходимым рыночным временем как Δt , при этом t_{tech} – это технологически необходимое время, а t_{inst} – это институционально необходимо время:

$$\Delta t = t_{tech} - t_{inst},$$

где Δt – это запас времени с момента оценки рыночной ситуации как ценностно-институционально приемлемой до её непосредственной рыночной интерпретации, что по содержанию является интервалом технологически институционального равновесия рынка. Он имеет верхний и нижний предел. Верхний предел зависит от рыночной скорости событий, так как слишком долгое время на принятие решения превращает его либо в неактуальное, или во вредное. Нижний предел зависит, во-первых, от привычности и обязательности ценностно-институциональных процедур принятия решений (что является фактором безличностного доверия), во-вторых, от уровня профессионализма, компетентности, личной скорости рыночных реакций, рыночной интуиции субъектов.

$t_{tech} - t_{inst} > 0$ – это запас времени, который имеет рыночный субъект для принятия решений. Если t_{tech} становится меньше чем t_{inst} , то запаса времени нет, и рыночная ситуация для субъекта зависит целиком от господствующих информационных технологий заключения

и реализации рыночных сделок. Решения субъекта должны вписываться в технологические регламенты и не зависеть от его ценностно-институциональных предпочтений и ограничений. Единственный шанс для хранения ценностных установок действующего субъекта – это постепенное их укоренение в сознание и даже в подсознание как обязательная составляющая мотивации и стимулов свободного и ответственного хозяйственного поведения.

На открытом интервале $\Delta t > 0$ запас институционально-технологической прочности, благодаря которому инновационная экономика не теряет связи с ценностно-институциональными основаниями, является достаточным для удержания системы на траектории снижения социально-экономической энтропии. Переступание этого предела ($\Delta t < 0$) несёт с собой очень сильные риски роста энтропии, значительная часть которых реализуется уже сегодня, на наших глазах. Фактически на интервале, где имеет силу условие $t_{tech} < t_{inst}$, система институтов не успевает срабатывать, что однако формально это не мешает заключению и выполнению рыночных сделок. Ценностно-институциональный мир человека и мир технологий начинают работать в разных измерениях. Технологическим ценностные оценки не нужны. Но если производству (технологиям) не нужны человеческие ценности и люди вообще, то человек не может существовать без продуктов и услуг, предоставляемых сферой "безлюдных" технологий.

Социальное пространство, для которого $\Delta t < 0$, является зоной повышенной неопределённости и конфликтности. Действие фактора ценностно-институциональной инерции (эффект QWERTY) не является жёстко детерминированным и включает в себя вероятностный аспект. Поэтому этот фактор приводит к расслоению субъектов по критерию их индивидуального запаса прочности Δt . Субъекты, которые склонны некоторое время и в некоторых ситуациях ориентироваться на нереалистичное (для информационных технологий) допущение $t_{tech} - t_{inst} > 0$, проигрывают тем, кто исходит из реалий $t_{tech} < t_{inst}$, то есть не учитывают ценностные ограничения в своих рыночных решениях (или снижают для себя статус ценностных критериев). Поэтому единственным социальным механизмом, который способен обеспечить сохранение принципиальных ценностных основ инновационного развития экономики и технологий, остаётся национальное государство. Это является одной из глубинных причин реанимации этатистских идеологий и моделей организации общества и экономики в XXI веке.

Ярким примером положительного ценностного ограничения государством технологических изменений может служить жёсткая реакция китайских властей в январе 2019 года на генетический эксперимент с человеком, несанкционированно проведённый китайским генетиком¹. Другой пример: такой адепт информационно-сетевой общности как Марк Цукерберг в апреле 2019 года признал желательность установления государственного контроля в глобальных информационных системах.

Однако, как показывает тот же Китай с его информационно-сетевой системой социальных кредитных рейтингов, никто не может гарантировать, что государство и его функции не будут подлежать информационно-сетевому перерождению в сторону "бесчеловечного" государственного механизма, особенно с учётом возможностей искусственного интеллекта в этой сфере. Попытки "загрузить" в искусственный интеллект человеческие ценности и ограничения могут вообще сделать сегодняшнего homo sapiens лишним на нашей планете.

¹ URL: <https://hightech.fm/2019/01/22/crispr-low>

Выводы

Главной причиной роста удельного веса институциональных аномалий и деструкции является процесс "смешивания" ценностей и ценностно-подобных институтов как следствие интенсивной глобализации. Это привело к хаотизации критериев приемлемого и неприемлемого в социальном поведении на всех основных уровнях субъектности - от индивида до групп государств и цивилизаций. Примером можно назвать Соединённые Штаты Америки, которые являются одновременно и главным драйвером глобализации и первым на очереди объектом воздействия неопределённости и рисков. Победа Д. Трампа на президентских выборах 2016 года показала перспективы наращивания ценностного разрыва внутри американского общества.

В идеале три вектора общественного или индивидуального выбора – ценностный, институциональный и рациональный – должны совпадать: то, что является для субъекта приемлемым ценностно, совпадает с требованиями институциональных правил, а ценности и институты в свою очередь отражаются в предпочтениях рационального выбора. В этом случае трансакционные издержки, связанные с согласованием ценностного, институционального и рационального в социальной деятельности, равны нулю. Но идеал является исключением, а общим правилом является различие между этими векторами. Особую интенсивность процесс расхождения набрал после глобального кризиса 2008–2009 годов и последующей рецессии.

Угол расхождения между ценностным, институциональным и рациональным оказывает сильное обратное влияние на уровень субъектности. Предельным случаем является их взаимное расхождение на 120° при условии равной интенсивности, когда равнодействующая трёх векторов социальной активности вырождается в точку и субъект превращается в объект или ресурс для внешних субъектов.

Интеграционная способность институциональной системы зависит от двух основных факторов: во-первых, от адекватности институтов сложности и динамизму среды, в которой действуют субъекты; во-вторых, от адекватности институциональных требований способностям субъектов относительно понимания и выполнения институциональных требований. Одной из причин усиления долгосрочной неопределённости экономических систем является явление деструктивного усложнения институтов ("эффект храповика"), следствием чего является возможность институциональных катастроф.

Следствием технологического и рыночного усложнения среды является инерционное усложнение институтов, что может приводить к разрыву соответствия между институциональной системой и способностью субъектов выполнять новые чрезмерно сложные требования правил и норм. В этом случае возникает явление институционального отчуждения, проявлением которого является десубъективация социально-экономической системы и снижение роли фактора доверия. В условиях десубъективации экономики снижается способность системы к саморегулированию, что приводит к чрезмерной конфликтности, требует усиления ситуативных административных рычагов и способствует росту долгосрочных системных рисков.

Институциональные аномалии способны усиливать своё влияние на национальную экономику в условиях глобализации и насильственной унификации. Следствием этого может быть сохранение и восстановление национальной идентичности ценой текущей потери темпа структурных и технологических изменений. Как показывает исторический пример Японии в XX веке, сохранённая идентичность рано или

поздно превращается в актуальный национальный актив, что способствует скачку конкурентоспособности.

Влияние информационно-сетевых технологий на социально-экономическое развитие имеет противоречивый характер. Оно включает в себя, с одной стороны, информационное упрощение процедур заключения и выполнения рыночных сделок, а с другой стороны, способствует тотальной технологизации экономики за счёт выталкивания социальной составляющей экономических взаимодействий. В этих условиях экономические институты уступают место технологическим регламентам, что приводит к сужению сферы практического приложения ценностно-институциональной составляющей человеческой цивилизации и закладывает основы усиления долгосрочной неопределённости социально-экономического развития.

Ценностно-институциональная нейтральность новых технологий не может рассматриваться как общий случай. Чем более глубоким является технологическое изменение, тем выше вероятность индуцированных институциональных сдвигов, одним из результатов которых становится рост неопределённости. Дополнительные измерения свободы, которые получают владельцы / потребители новых технологий, не могут сразу быть охваченными новым правилам и стандартам.

В общем случае деструкция институтов приводит или к кратковременному или к долгосрочному росту энтропии. Разрушение привычных ожиданий заставляет хозяйствующих субъектов строить и реализовывать максимально короткие планы, несмотря на среднесрочные или долгосрочные последствия своих действий. Опыт украинских реформ 90-х годов прошлого века показывает, что в условиях потери привычных механизмов доступа к ресурсам попытки субъектов выжить сегодня любой ценой приводят к параличу внутренних структур и технологий. Выживание субъектов как массовый способ действий становится инструментом системного кризиса, который ставит экономику на грань существования.

Литература

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. Москва: АСТ. 720 с.
2. Аристотель. (1983) Сочинения: в 4-х т. Т. 4. Москва: Мысль, 830 с.
3. Аузан, А., Золотов, А. (2008). Коалиции за модернизацию: анализ возможности возникновения. *Вопросы экономики*. № 1. С. 97–107. doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-1-97-107>
4. Балацкий, Е. (2007). Нечёткие институты, культура населения и институциональная энтропия. *Общество и экономика*. № 5/6. С. 37–53.
5. Балацкий, Е.В. (2017). Концепция инклюзивных институтов и ее приложения. *Общественные науки и современность*. № 3. С. 143–156.
6. Дюркгейм Э. (1996). О разделении общественного труда. Москва: Канон.
7. Коуз Р. (1993). Фирма, рынок и право. Московский либертариум: Ин-т свободы. URL: http://www.libertarium.ru/libertarium/l_lib_firm0.
8. Лист Ф. (2016). Национальная система политической экономии. Москва: Социум. 2016. 456 с. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315442242>
9. Лыткина Е.И. (2015). Социальная структура в трех теориях аномии. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 1(29). doi: <https://doi.org/10.17223/1998863X/29/19>
10. Мертон Р.К. (2006). Социальная теория и социальная структура. Москва: АСТ, Хранитель. 873 с.
11. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. Москва: Изд-во Института Гайдара, 480 с.
12. Смородинская Н.В. (2015). Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. Москва: ИЭ РАН. 344 с.

13. Уильямсон О. (1996). Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки "отношенческая контрактация". Санкт-Петербург: Лениздат. 702 с.
14. Фролов Д. (July, 2019). От институтов к экститутам и далее – к постинституциональной теории институциональных аномалий. URL: <https://mpa.ub.uni-muenchen.de/95960/MPPRA Paper No. 95960, posted 11 17:35 UTC>
15. Шумпетер Й.А. (1982). Теория экономического развития. Москва: Прогресс. 147 с.
16. Arora, S., Barak, B. (2009). Complexity Theory: A Modern Approach, Cambridge University Press.
17. Bauman, Z. (1996). Alone Again – Ethics After Certainty. London: Demos.
18. Burnes, B. (2005). Complexity theories and organizational change; International. *Journal of Management Reviews*, 7(2). doi: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2370.2005.00107.x>
19. Byrne, D. (1998). Complexity Theory and the Social Sciences: An Introduction, London, Routledge.
20. Bernburg, J.G. (2002). Anomie, social change, and crime: A theoretical examination of institutional-anomie theory. *British Journal of Criminology*. Vol. 42. Pp. 729-742. doi: <https://doi.org/10.1093/bjc/42.4.729>
21. Massimo E. (1995). The "Creative Destruction" in Economic and Political Institutions. Department of Economics University of Trento.
22. Giddens A. (1991). Fate, Risk and Security. A. Giddens. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press. P.109–143.
23. Greve, B. (2013). The Routledge Handbook of the Welfare State. Routledge. 496 p. doi: <https://doi.org/10.4324/9780203084229>
24. Messner, S. (2013). Rosenfeld R. Crime and the American Dream. USA: Wadsworth: Cengage Learning. 176 p.
25. Rustin, M., Massey, D. (December, 2014). Rethinking the neoliberal world order. *Soundings*. Pp. 116-135.
26. Parsons, T. (1966). The Concept of Society: The Components and Their Interrelations. T. Parsons. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, p. 5–29.
27. World Economic Outlook Database. October 2018. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx>
28. Zhenhua Su, Yanyu Ye, Pu Wang. (November 28, 2018). Social change and generalized anomie: Why economic development has reduced social trust in China. First Published. Research. <https://doi.org/10.1177/0268580918812281>

Поступление в редакцию 24.09.2019 г.

INSTITUTIONAL DESTRUCTIONS IN THE ECONOMY: PRECONDITIONS, MECHANISMS, CONSEQUENCES

Oleh Yaremenko

Author affiliation : Dr. Econ. Sciences, Prof.; Leading Researcher of the Department of Economic Theory of the Institute for Economics and Forecasting, National Academy of Sciences of Ukraine. E-mail: yaremenkooleg2@gmail.com

The article considers prerequisites and consequences of the institutional destructions in economy and society. It is proved that the integrative capacity of the institutional system depends on two main factors: the adequacy of the institutions of complexity and the dynamism of the environment in which the actors operate; and the adequacy of the institutional requirements to the level of institutional competence of the actors. The author justifies that the reason for the increase in the share of institutional anomalies and destructions in the world economy is the process of "blending" of values and value-like institutions as a consequence of the intense globalization, which led to chaotization of the criteria of acceptable and unacceptable social behavior. It is shown that the destruction of usual expectations compels business entities to form and implement the shortest possible plans, regardless of the medium or long-term consequences of their actions. At the same time, the self-

survival of subjects as a massive pseudo-rational mode of action becomes an instrument of a systemic crisis that puts the economy on the brink of existence.

Keywords: institutional destruction, values, institutions, technologies, uncertainty, risks, socially necessary market time, socio-economic entropy.

JEL: O 100.

References

1. Adzhemoglu, D., Robinson, J.A. (2015). Why are some countries rich and others poor. The origin of power, prosperity and poverty. Moscow: AST [in Russian].
2. Aristotle (1983). Works, vol. 4. Moscow: Mysl [in Russian].
3. Auzan, A., Zolotov, A. (2008). Coalitions for modernization: analysis of the possibility of occurrence. *Voprosy jekonomiki – Economic issues*, 1, 97-107. doi: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-1-97-107> [in Russian].
4. Balatsky, E. (2007). Fuzzy institutions, population culture, and institutional entropy. *Obshhestvo i jekonomika – Society and economics*, 5/6, 37-53 [in Russian].
5. Balatsky, E.V. (2017). The concept of inclusive institutions and its applications. *Obshhestvennye nauki i sovremennost – Social sciences and modernity*, 3, 143-156 [in Russian].
6. Durkheim, E. (1996). On the division of social labor. Moscow: Canon [in Russian].
7. Coase, R. Firm, market and law. Moscow Libertarium: Institute of Freedom. Retrieved from http://www.libertarium.ru/libertarium/lib_firm0 [in Russian].
8. Liszt, F. (2016). National system of political economy. Moscow: Socium. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315442242> [in Russian].
9. Lytkina, E.I. (2015). Social structure in the three theories of anomie. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija – Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 1:29. doi: <https://doi.org/10.17223/1998863X/29/19> [in Russian].
10. Merton, R.K. (2006). Social theory and social structure. Moscow: AST, Hranitel [in Russian].
11. North, D., Wallis, D., Weingast, B. (2011). Violence and social order. Conceptual framework for the interpretation of the written history of mankind. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara [in Russian].
12. Smorodinskaya, N.V. (2015). Globalized economy: from hierarchies to network structure. Moscow: IJe RAN [in Russian].
13. Williamson, O. (1996). The economic institutions of capitalism. Firms, markets "relational contracting". St. Petersburg: Lenizdat [in Russian].
14. Frolov, D. (2019, July). From institutions to exiters and further to a post-institutional theory of institutional anomalies. Retrieved from <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/95960/> MPRA Paper No. 95960, posted 11 17:35 UTC [in Russian].
15. Schumpeter, J.A. (1982). Theory of economic development. Moscow: Progress [in Russian].
16. Arora, S., Barak, B. (2009). Complexity Theory: A Modern Approach, Cambridge University Press.
17. Auman, Z. (1996). Alone Again – Ethics After Certainty. London: Demos.
18. Burnes, B. (2005). Complexity theories and organizational change; International. *Journal of Management Reviews*, 7(2). doi: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2370.2005.00107.x>
19. Byrne, D. (1998). Complexity Theory and the Social Sciences: An Introduction. London, Routledge.
20. Bernburg, J.G. (2002). Anomie, social change, and crime: A theoretical examination of institutional-anomie theory. *British Journal of Criminology*, 42, 729-742. doi: <https://doi.org/10.1093/bjc/42.4.729>
21. Massimo, E. (1995). The "Creative Destruction" in Economic and Political Institutions. Department of Economics University of Trento.
22. Giddens, A. (1991). Fate, Risk and Security. *A.Giddens. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
23. Greve, B. (2013). The Routledge Handbook of the Welfare State. Routledge. doi: <https://doi.org/10.4324/9780203084229>
24. Messner, S. (2013). Rosenfeld R. Crime and the American Dream. USA: Wadsworth: Cengage Learning.
25. Rustin, M., Massey, D. (2014, December). Rethinking the neoliberal world order. *Soundings*, 116-135.
26. Parsons, T. (1966). The Concept of Society: The Components and Their Interrelations. In Parsons T. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall.
27. World Economic Outlook Database. October 2018. Retrieved from <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/index.aspx>
28. Zhenhua Su, Yanyu Ye, Pu Wang. (2018, November 28). Social change and generalized anomie: Why economic development has reduced social trust in China. First Published. Research. <https://doi.org/10.1177/0268580918812281>